

Н. В. Кондратьева

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКОВ СРАВНЕНИЯ КОМПАРАТИВНЫХ ТРОПОВ С ДЕНДРОНИМАМИ В СОВРЕМЕННОМ УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Настоящая работа посвящена выявлению особенностей репрезентации признаков сравнения, характеризующих дендронимы, в структуре компаративных тропов современного удмуртского языка. На основе анализа лингвистических материалов, представленных в электронных корпусах удмуртского языка, были установлены семантические значения стереотипных признаков сравнения, содержащих в своей структуре компонент «название деревьев», а также выявлены устойчивые смысловые контексты дендронимов в указанном языке. Как показали результаты исследования, максимальным набором семантических значений обладают лексемы *бадяр* ‘клен’ и *тыты* ‘дуб’; большинство же названий деревьев используются для выражения единичных смысловых коннотаций. С точки зрения семантических характеристик компаративных тропов с дендронимами нами были выявлены следующие группы признаков сравнений, формирующих значительный фрагмент языковой и концептуальной картины мира носителя удмуртского языка:

а) представления о внешности, строении тела, росте и здоровье, физических характеристиках человека: *Тазалыкез тыты кадь юн*. ‘Его здоровье крепкое как дуб’; *Вож бадяр кадь мугорыз лабрес беризылы укшаны ёдъяз*. ‘Его тело, напоминавшее зеленый клен, стало похоже на раскидистую липу’ и др.;

б) представления о человеке как представителе общества, носителя социальных функций: *Мар со лыктэм нълмурт бордад сирпу кадь лякиське?* ‘букв. Почему эта приезжая девушка пристала к тебе как вяз (в знач. *назойлива*)?’ и др.;

в) на основе анализа собранного материала было выявлено, что компаративные конструкции с дендронимами очень редко используются для репрезентации представления о характере и моральных качествах человека: *Зэмос улон, кудзэ лэсьтйськом асьмеос, кытын уло пичиос но пересьес, кызыпу кадь чеберьес но ньылпу кадь зукыртысьес*. ‘Настоящая жизнь, которую мы сами строим; в которой живут дети и старики, как березы красивые и словно пихты брызжащие’. Между тем другие группы фитонимов гораздо шире представлены в компаративных конструкциях: *Сямыз зег нянь но тйни*. ‘Букв. По характеру он ржаной хлеб (в знач. *добрый*)’; *Небзэм губи тон, Аркаш. Ас кышнотэ но кияд кутэмед уг луы*. ‘Ты как сгнивший гриб, Аркадий (в знач. с мягким характером). Даже свою жену не можешь держать в руках’ и др.

На основе анализа признаков сравнения компаративных тропов, содержащих в своей структуре названия деревьев, можно сделать вывод о том, что данная группа лексических единиц имеет важный аксиологический статус, отражает многовековой жизненный опыт человека, его индивидуальные наблюдения за окружающим миром живой природы.

Ключевые слова: удмуртский язык, компаративные тропы, дендронимы, фитонимы, признаки сравнения

Введение

В условиях антропоцентричной парадигмы развития современного языкознания понятийная сфера «мир растений», в том числе и в рамках изучения метафорических и компаративных конструкций, становится объектом исследовательского внимания многих лингвистов, так как метафоры и сравнения, содержащие в своей структуре фитонимическую лексику, формируют символические значения, участвуют в выражении внешних и внутренних характеристик человека. Более того, как подчеркивает Э. Ф. Гафиятова, анализ фитонимической лексики в конкретных языках раскрывает особенности «познания номинативной деятельности человека, ее речемыслительных оснований» (Гафиятова, 2010: 231).

Несмотря на наличие целого ряда трудов, посвященных анализу лексических единиц понятийной сферы «мир растений» в традициях индоевропейского и тюркского языкознания, в финно-угорской лингвистике изучение фитонимической лексики активизировалось лишь в последние десятилетия. Так, проведены наблюдения (хотя и в разной степени) с точки зрения этимологических, словообразовательных и синтаксических моделей образования фитонимов

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

в прибалтийско-финских (И. В. Бродский (2007), Ю. Э. Коппалева (2007) и др.), волжских (А. С. Ефремов (1986), О. Е. Поляков, Н. В. Леткина (2021) и др.), пермских (А. Н. Ракин (1977, 1985), Т. Н. Меркушева (2007), А. С. Лобанова (2017), И. И. Русинов (2022) и др.), обско-угорских (Т. Н. Дмитриева (2019) и др.) языках. Более подробное описание истории изучения фитонимов в финно-угорских языках представлено в статье О. Г. Рубцовой (Рубцова, 2003: 79–83).

Что касается удмуртского языкознания, в нем присутствуют отдельные статьи, посвященные исследованию компонентного состава фитонимической лексики (М. Р. Насибуллина (2015; 2015)); анализу фитонимов как прецедентных текстов (Т. Р. Душенкова (2022)); выявлению культурологических аспектов фитонимических метафор (Т. Р. Душенкова (2021)) и др. Однако прагматические аспекты функционирования фитонимической лексики в структуре компаративных конструкций до сих пор не являлись предметом специальных научных изысканий. Учитывая вышесказанное, данная статья станет первой в цикле исследований, посвященных изучению особенностей реализации признаков сравнений в компаративных конструкциях удмуртского языка. Его основная цель заключается в выявлении и описании семантического потенциала дендронимической лексики в структуре компаративных конструкций современного удмуртского языка. При этом под сравнительной конструкцией понимаем конструкции, с помощью которых некоторый предмет, признак или ситуация Р (*объект сравнения* – то, что сравнивается) описывается не сам по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации Q (*стандарт сравнения* – то, с чем сравнивается). Критерием сопоставления является некоторый признак Z (*признак сравнения* – то, по чему сравнивается), принимающий значение V (*значение признака сравнения*) (Князев, 2007).

Выбор объекта исследования продиктован прежде всего важным значением культа дерева как в повседневной жизни финно-угорских народов, так и в обрядовых действиях. Как отмечает Н. И. Шутова, дерево являлось одним из маркеров сакрального центра на дохристианских святилищах удмуртов: «произрастающие на дохристианских святилищах деревья: ель, сосна, береза, дуб, клен, ольха, орешник – служили одним из главных маркеров сакрального центра родовой или территориальной группы удмуртов, символом мирового дерева» (Шутова, 2011: 64). Почитались и отдельно стоящие в поле деревья, наделяемые сверхъестественными магическими свойствами. По утверждению удмуртских исследователей Т. Г. Владыкиной и Л. Е. Кирилловой, дерево в контексте обрядов удмуртского народа символизировало природную лестницу как один из способов вознесения жертвы богам; оно обозначало границу «чужого» и «своего» пространства: здесь «встречали» (поезжан рода жениха) или «расставались» (с рекрутом). В рекрутских обрядах явны мифологические представления о дереве как заместителе души (Владыкина, Кирилова, 2017). Имеются «свои» деревья и удмуртского пантеона богов: «Инмару молились под сосной, Кылдысину – под березой, Куазю – под елью (Владыкин, 1994: 111).

Далее рассмотрим особенности лингвистической реализации компаративных тропов, содержащих в своей структуре дендронимическую лексику.

Материал и методы

При написании данной статьи основным источником исследования стал эмпирический материал, собранный методом сплошной выборки из языковой базы данных системы Lingvodoc 3.0, разработанной Институтом языкознания РАН, Институтом системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (рук. докт. филол. наук Ю. В. Норманская (<http://lingvodoc.ispras.ru>)), из Корпуса удмуртского языка (рук. Т. Архангельский (<http://udmurt.web-corpora.net>)), а также Национального корпуса удмуртского языка (рук. канд. филол. наук М. П. Безенова (<https://udmcorpus.udman.ru/home>)). В указанных корпусах удмуртский язык представлен материалами ранних письменных памятников, в том числе рукописных; диалектных материалов, произведений художественной литературы, текстов СМИ, социальных сетей.

Для решения поставленной научной задачи методом сплошной выборки нами были выбраны случаи употребления компаративных конструкций, содержащих в своей структуре названия деревьев и маркер *кадь* 'как'. Далее на основе контекстуально-ситуативного анализа определялись семантические возможности каждого словоупотребления. Для изложения результатов исследования использовался описательный метод.

Репрезентация дендронимической лексики в структуре сравнительных конструкций современного удмуртского языка

Территория современной Удмуртии расположена в лесной зоне, где северная часть относится к подзоне южной тайги, а южная – к подзоне широколиственных лесов. В таежной зоне произрастают ель, пихта; в подлеске – рябина, черемуха. Встречаются искусственные насаждения сибирского кедра. В подзоне широколиственных лесов распространены пихта, липа, клен, вяз, сосна, лиственница. В подлеске преобладают черемуха, рябина. На вырубках распространены дуб; часто встречаются осиновые и березовые леса; представлены ива, ольха и тополь. Как показывают результаты исследования, каждый из указанных видов деревьев в той или иной степени присутствует в структуре компаративных конструкций удмуртского языка. Важно подчеркнуть, что в рамках данной статьи в качестве объекта сравнения были отобраны лишь ситуации, наделенные антропоморфными характеристиками. Рассмотрим каждую лексему исследуемой группы слов подробнее.

Бадяр 'клен'

Традиционно основаниями для образных ассоциаций «клен – антропоним» является комплекс признаков: 'звук', 'поведение', 'состояние', 'возраст', 'форма', 'функция', 'цвет', мотивированных свойствами самого референта: яркое изменение цветовой палитры листьев деревьев осенью, красивый рисунок кленового листа, густота лиственного покрова и др. (см. об этом подробнее: (Соколова, 2020: 304–308)).

Как подчеркивают удмуртские исследователи Т. Г. Владыкина и Л. Е. Кириллова, в фольклорных традициях образ клена чаще всего выступает как символ молодости: *вож бадяр* 'зеленый клен', тогда как белые цветы черемухи сравниваются с поседевшей головой (Владыкина, Кириллова, 2017: 240). Ср. слова из народной песни: *Вож бадяр, ой, кадь ик, / Вож мугоры ой-а вал?* 'Словно зеленый клен / Не был ли мой стан?'

В современном удмуртском языке, как показывают примеры из электронных корпусов удмуртского языка, *бадяр* 'клен' присутствует в структуре компаративных конструкций, реализуя следующие признаки сравнения:

а) стройный стан: *Мугоры векчи бадяр кадь / Шонскылоз төлъя* (НКУЯ). 'Мое тело, как ствол тонкого клена, / будет качаться на ветру'; *Мынам нылъесы миськем сяртчы кадесъ, вож бадяр кадь весъкресъсь* (НКУЯ) 'Мои дочери красавицы (букв. как мытая репа), стройны как зеленый клен'; *Гранялэн чеберез – инкуазьлэн кузьымес: Зарытмыт вож бадъymesь синъёсыз, вож бадяр кадь весъкрес мугорыз, лемлет намер кадь ымдуръесыз* (НКУЯ). 'Красота Грани – природная красота (букв. подарок природы): большие зеленоватые глаза, стройное как у клена тело, губы как костяника';

б) молодость: *Вож бадяр кадь мугорыз / Кӧс кыз кадь солэн куасьме* (НКУЯ). 'Его (молодое) тело как зеленый клен / сохнет словно сухая ель';

в) статный вид: *Вож бадяр кадь мугорыз лабрес беризьлы укишаны өдъяз* (КУЯ). 'Его тело, напомиравшее зеленый клен, стало похоже на раскидистую липу';

г) твердость духа, материальное благополучие: *Юн сыло музьем вылын та кык вынъес, бадяр кадь юн. Соос котыре огазаясько сыче ик юн мылкыдо адямиос* (НКУЯ). 'Твердо, как клен, стоят на ногах два брата. Их окружают такие же люди со стойким характером'.

Бадьпу 'ива'

Характерными особенностями ивы являются прозрачная и сквозистая крона, тонкие и гибкие побеги. Именно эти характеристики лежат в основе репрезентации образов сравнения в современном удмуртском языке:

а) гибкость тела: *Шур дуртй юмиась векчи бадьпу кадь, / Чеберен куасалляське кускыд* (НКУЯ). 'букв. Словно у прогуливающейся вдоль реки ивы, / грациозна и гибка твоя талия'; *Сылоз со эшъесыз азын, ѓжытак йырзэ мыкыртыса, пинал кызьпу кадь веськрес, возж бадьпу кадь лэйкыт* (НКУЯ). 'Стоит она перед друзьями, наклонив голову: словно молодая березка стройна и как зеленая ива, плавно покачиваясь';

б) стройный стан: *Мугорыз бадь кадь веськрес, / Адъыса вешам потэ* (НКУЯ). 'У нее стройная как у ивы фигура; как увидишь – так и хочется погладить'; *Нош ачиз со сыче мусо но векчи, бадьпу кадь* (КУЯ). 'А сама она такая милая и стройная, как ива'; *Валлян гинэ зарядкаен вырын кутски вал но, туннэ ик бадьпу кадь веськрес луиськем* (LD). 'Только вчера начала заниматься зарядкой, а сегодня уже стала стройной как ива'.

Беризь 'липа'

Во многих языках липа имеет важное символическое значение. Как отмечает Т. А. Агапкина, в славянской культуре «образ липы складывается как бы из двух составляющих: с одной стороны, липа – священное и доброжелательное по отношению к человеку дерево, с другой – слабое и мягкое, а потому также относительно безопасное для человека» (Агапкина, 2018: 369).

Между тем, как показали результаты анализа электронного корпуса удмуртского языка, в современных текстах не актуализируются специфические видовые характеристики липы, а подчеркиваются традиционные признаки сравнения:

а) одиночество: *Одйгназ мѓзме беризь. / Со беризь кадь мон огнам, Малпанэ нош тон сярись* (КУЯ). 'В одиночку грустит липа. И я как та липа один. Но все мысли только о тебе'; *Нокинэз но ѓвѓл ни дораз, / Пал беризь кадь, со шал-шал огназ* (НКУЯ). 'Никого не осталось дома, словно одинокая липа она осталась одна';

б) стройный стан: *Тон веськрес беризь кадь* (НКУЯ). 'Ты словно стройная липа'; *Азяз ныл сылэ: синъёсыз – кык кизилиос, йырсиосыз шунды сиос выллем кисьтасько, мугорыз пинал беризь кадь веськрес* (НКУЯ). 'Перед ним стоит девушка: глаза – две звезды, волосы переливаются словно солнечные лучи, тело стройное, как у молодой липы'.

Кыз 'ель'

Одним из видовых особенностей ели является ее высота. В Удмуртии высота ели может достигать 25–30 метров. Эта характеристика является одним из самых распространенных признаков сравнения исследуемого дендронима в компаративных конструкциях:

а) высокий рост: *Кыз кадь жсужыт то таза сйльвино, йырсиез съѓд кисьтаське – геры улысь муос кадь* (НКУЯ). 'букв. Он словно ель – высокого роста и крепкого телосложения, темные волосы напоминают цвет земли из-под плуга'; Ср. также: *Нош Великий Устюгысь Тол бубаез адъи но абдрай – мугорыз кыз жсужда* (КУЯ). 'Когда увидела Деда Мороза из Великого Устюга, удивилась – ростом с ель'.

Кроме того, актуальными являются такие признаки сравнения, как:

б) сухощавое телосложение: *Мынам кѓс кыз кадь кылемэ уг поты...* 'Мне не хочется стать таким, как сухая ель'; *Тон жалъ потйськод: учкы ай, солэн кыл улаз кѓс кыз кадь куасьмид ук ни* (НКУЯ). 'Мне жалко тебя, из-за ее постоянных укоров ты уже стал как сухая ель'; *Онсимлэн мугорыз кѓс кыз кадь* (КУЯ). 'Онсим сухощавого телосложения (букв. его тело как сухая ель)';

в) одиночество: *Кылиз со табере, аслаз верамезъя, Куштос лёг йылысь огназ сылйсь начар кыз кадь* (НКУЯ). 'Осталась она одна, как сама говорит, как одинокая тонкая ель на холме Куштос'.

Кызыпу ‘береза’

Образ березы является одним из самых распространенных в фольклорных песенных традициях удмуртского народа. Как отмечает фольклорист Т. Г. Владыкина, береза выступала как «медиатор природных сфер и/или как символ женского начала. Прослеживается связь образа богини-прародительницы с образами невесты-дерева/невесты-березы, невесты-зверя, невесты-птицы» (Владыкина, 2012: 96).

Женское начало преобладает и в признаках сравнения, реализуемых в компаративных конструкциях:

а) красота: *Со зэмос улон, кудзэ лэсьтйськом асьмеос, кытын уло пичиос но пересьес, кызыпу кадь чеберьёс но ньылпу кадь зыкыртысьёс* (НКУЯ). ‘Это настоящая жизнь, которую мы сами строим; в которой живут дети и старики, как березы красивые и словно пихты брызжащие’;

б) стройный стан: *Петялэн верамезъя, ачиз Оля юсь кадь чебер, кызыпу кадь веськрес* (НКУЯ). ‘Как говорит Петя, Оля красива как лебедь, стройна как береза’; *Кызыпу кадь веськрес мон, сыче мадемуазель мон* (НКУЯ). ‘Я стройна как береза, я такая мадемуазель’; *Тодьы кызыпу кадь веськрес мугоро, / Мусояськись, яратоно Сулей нылыз* (КУЯ). ‘Словно белая береза стройна его ласковая и любимая дочь Сулей’.

Лулпу ‘ольха’

Образ ольхи, как показывают собранные примеры, чаще наделяется отрицательными характеристиками, среди которых доминирует коннотация болезни: *Син куспын емыраз аядми, шуяз, кёс лулпу кадь куасьмиз* (НКУЯ). ‘букв. На глазах человек состарился, усох, словно сухая ольха’; *Куддыръя киоссэ шона, лулпу кадь чужектэм азь чиньызэ вылэ жсутэ* (НКУЯ). ‘букв. Иногда размахивает руками, поднимает указательный палец, напоминающий пожелтевшую осину’.

Льёмпу ‘черемуха’

В традиционном понимании черемуха олицетворяет молодость, девичью красоту; является символом нежности, чистоты, любви. Подобные аллюзии встречаются и в текстах удмуртских народных песен: *Та коркалэн, ой, шулдырез / Отем куно вань дыръя. / Аджем потэм, ой, муртъёсы / Тодьы льёмпу сяська кадь. / Яратымтэ, ой, муртъёсы / Ву дур лулпу гуры кадь*. ‘Теплота этого дома / в званых гостях. / Званые гости / как цветы белой черемухи. / Незваные гости / словно ольховые сережки’. Однако, как отмечает Т. Г. Владыкина, в удмуртской традиционной культуре белые цветы черемухи чаще сравниваются с поседевшей головой в отличие от образа *вож бадяр* ‘зеленый клен’ (Владыкина, Кириллова, 2017: 240).

Возможно, именно эта архаичная коннотация препятствует возникновению широкого спектра признаков сравнения в компаративных конструкциях с исследуемым дендронимом, ограничиваясь обобщающим значением ‘светлая душа’: *Кыче аядми вал, сяськась льёмпу кадь, югыт пиштэ, югыт сётэ вал* (НКУЯ). ‘Каким он был человеком! Как цветущая черемуха делился своим светом’. *Сяськаё льёмпу кадь чылкыт вал со, эке, войнае быриз* (НКУЯ). ‘Она была светлой как цветущая черемуха; жаль, погибла на войне’.

Ньылпу ‘пихта’

Признаков сравнения компаративных конструкций, содержащих компонент *ньылпу* ‘пихта’, в целом немного. Все они так или иначе связаны с особенностями использования данного вида древесины в хозяйстве. Как известно, дрова из пихты за счет смол и масел в составе древесины очень искрят и дымят. Кроме того, они довольно пожароопасны. Эти характеристики актуализируются и в представленных компаративных конструкциях:

а) вспыльчивый характер: *Соку Лена дуринчи кадь турзе, кёс ньылпу кадь гомзе* (НКУЯ). ‘В этом случае Лена заводилась как оса, вспыхивала как сухая пихта’; *Та рад Галя өз чида ни – картэз ужысь вуиз но горд ньылпу кадь тйчырак кенжиз* (НКУЯ). ‘букв. В этот раз Галя уже не вытерпела: как только муж вернулся с работы – вспыхнула как красная пихта’;

б) брюзжание: *Зэмос улон, кудзэ лэсьтійськом асьмеос, кытын уло пичиос но пересъес, кызьпу кадь чеберъёс но ньылпу кадь зукыртійсьёс* (НКУЯ). ‘Настоящая жизнь, которую мы сами строим; в которой живут дети и старики, как березы красивые и словно пихты брюзжащие’.

Палэзьпу ‘рябина’

Рябина считалась особым деревом в удмуртской культуре. Как отмечают Т. Г. Владыкина и И. М. Нуриева, «в народной традиции она была наделена магическими свойствами, использовали как оберег от сглаза, воздействия колдуна: веточку рябины в виде рогатки прикрепляли к шерсти животных, одежде; перед предполагаемым колдуном клали рябиновую ложку, веря, что он не может использовать ее для еды. Рябиновую палку/рябиновый крест помещали над дверьми. После смерти колдуна, во избежание превращения его в вампира-мертвеца/*кулэм убир*, в могилу вбивали рябиновый кол» (Владыкина, Нуриева, 2023).

Несмотря на наличие широкого спектра функциональной нагрузки данного дерева в культуре удмуртского народа, как свидетельствуют собранные материалы, в электронных корпусах представлены лишь традиционные признаки сравнения:

а) стройный стан: *Батыр тыны кадь вал Юрае, нош мон векчи палэзьпу* (КУЯ). ‘Словно крепкий дуб был мой Юра, а я – как тонкая рябина’;

б) гибкость и стройность: *Палэзьпу кадь някыръясъкись но веськрес мугоро* (НКУЯ). ‘У нее гибкий и стройный стан’.

Пипу ‘осина’

Как отмечает Н. И. Шутова, осина в традиционной культуре удмуртов наделалась отрицательной энергетикой. Не разрешалось высаживать осину и вблизи дома. Считалось, «мол, страдать будешь, так же, как осина шелестит листьями» (Шутова, 2011: 62), осина рассматривалась как символ «горести, плача, страдания» (Шутова, 2011: 62). Аналогичные характеристики отражаются и в признаках сравнения компаративных конструкций, содержащих в своей структуре исследуемый дендроним: *Оло, пипу кадь ик, / шильтыр-шильтыр лабыртійсько* (НКУЯ). ‘Может, как осина, я брэнча тараторю’. Однако встречается также пример, в котором актуализируется признак стройности: *Мугорыз Надилэн чем сикысь пипу кадь веськыт. Бамъёсыз вольытэсь, чыж-чыж жсуало* (НКУЯ). ‘Фигура у Нади словно осина в густом лесу. Щеки гладкие, алые’.

Пужым ‘сосна’

Сосна отличается хорошей выживаемостью, она вечнозелена. Поэтому во многих культурах символизирует вечную жизнь.

В удмуртских компаративных конструкциях признаками сравнения становятся следующие характеристики:

а) крепкое телосложение: *Азьло кичи-куачи мугоро чиед пияш асьме палась веськрес пужым кадь* луэм, *пельпумъёс паськытэсь, ымныр питрес...* (НКУЯ). ‘Прежний мальчик с мальчишеским телом превратился в крепкого мужчину с широкими плечами, круглым лицом’; *Лукерья апайлэн кузпалыз, – тракторист, юр пужым кадь юн воргорон* (НКУЯ). ‘Муж Лукерья – тракторист, мужчина крепкого телосложения, напоминает смолистую сосну’;

б) стройное телосложение: *Ватка батырлэн вёзас-бордаз сьлісь / Тыны кадь ик юн но пужым кадь веськрес / Мугоро пиосызлэн-быркытёсызлэн* (НКУЯ). ‘Рядом с богатырем Ватка стояли сыновья крепкого как дуб и стройного как сосна телосложения’.

Сирпу ‘вяз’

Главной особенностью вяза является его способность выделять липкий сок. Этот сок имеет приятный аромат и служит защитой от насекомых. Именно эта характеристика лежит в основе большинства компаративных конструкций:

а) назойливость: *Мар со лыктэм нълмурт бордад сирну кадь лякиське?* (НКУЯ). ‘Почему эта приезжая девушка пристала к тебе как вяз (в знач. назойлива)?’;

б) кроме того, имеются примеры, в которых актуализируется нескладный внешний вид человека: *Мастерзы, Миша Каров, копак позырес сирну кадь* (КУЯ). ‘Их мастер, Миша Каров, напоминает свилеватый вяз’.

Тополь ‘тополь’

В современном удмуртском языке компаративные конструкции с лексемой тополь представлены в единичных примерах. Их основная характеристика, ставшая основой для признака сравнения, – это одиночество: *Аслыз ачиз Яша вож жэужась тополь кадь потйз. Со но кышкыт сьлтёл бере аслаз азбараз огназ кылиз* (НКУЯ). ‘Яша почувствовал себя молодым зеленым тополем. Он тоже после страшного урагана остался один во дворе’.

Интересно заметить, что в качестве эпитетов могут присутствовать и другие характеристики данного дерева: *жэужутэсь топольёс* ‘высокие тополя’, *пересь топольёс* ‘старые тополя’, *вашкала топольёс* ‘древние тополя’, *вольыт тополь* ‘тополь с гладким стволом’, *бадзьым тополь* ‘большой тополь’ и др. Однако данные признаки не зафиксированы как признаки сравнения.

Тыны ‘дуб’

Практически во всех культурах дуб является символом надежности и силы, не случайно именно эти характеристики легли в основу удмуртских компаративных конструкций с исследуемым компонентом-дендронимом:

а) сила: *Кузёез но жэужыт, баблес йырсиё, тыны кадь юн кужмо* (НКУЯ). ‘Хозяин высок, с кудрявыми волосами, сильный как дуб’; *Тыны кадь – выжыеныз кужмо, батыр* (НКУЯ). ‘Он как дуб – силен корнями, богатырь’; *Ошмес муген лёгоз сюрес. / Тыны кадь чидалоз тёллы* (НКУЯ). ‘Словно родник он проторит дорогу. Как дуб сможет противостоять ветру’;

б) крепкий, надежный: *Нокыче курданэз, кышканэз тодйсьтэм, / Возьдаськонэз кылылымтэ, тыны кадь юнэсь, / Пужым кадь веськресэсь, кион кадь лекесь, / Гондыр кадь кужмоесь адымиос* (НКУЯ). ‘Не знавшие никакого страха, не выдавшие скромности, крепкие как дуб, / стройные как сосны, лютые как волки, / сильные как медведь’;

в) дуб отличается от многих деревьев и своей статью: *Тыны кадь кужмо, визьмо, йёно* (НКУЯ). ‘Он как дуб сильный, умный, видный’; *Тыны кадь таза ук тон, шуисько* (НКУЯ). ‘Говорю, мол, ты как дуб статный’;

г) интересно также отметить, что в электронных корпусах анализируемого языка представлены примеры, в которых подчеркивается стройный стан как основа для сравнения: *Идна сйльвино ке но, / Тыны кадь веськрес ке но, (...) / Кёберан сое кутйз* (НКУЯ). ‘Хотя Идна и мускулист, стройного (в знач. отсутствие лишнего веса) телосложения, страх одолел его’.

Уйпу ‘ветла’

Ветла представляет собой дерево, отличительными особенностями которого является наличие ширококруглой кроны, красиво свисающих ветвей, темно-серой коры и мощного ствола. Однако, как показали результаты анализа электронного корпуса текстов удмуртского языка, в основе признака сравнения данной группы компаративных сравнений, как и большинства других, лежит признак стройности: *Но мон сыче уйпу кадь веськрес өвёл* (НКУЯ). ‘Но я не так стройна, как ветла’.

Заключение

На основе анализа лингвистических материалов, представленных в электронных корпусах удмуртского языка, были установлены семантические значения стереотипных признаков сравнения, содержащих в своей структуре компонент «название дерева», а также выявлены устойчивые смысловые коннотации дендронимов.

Как показали результаты исследования, максимальным спектром семантических значений обладают лексемы *бадяр* ‘клен’ и *тыны* ‘дуб’; большинство же названий деревьев используется для выражения единичных смысловых значений. Важно отметить, что обобщающим признаком сравнения для целой группы дендронимов – *бадяр* ‘клен’, *бадьпу* ‘ива’, *беризь* ‘липа’, *кызьпу* ‘береза’, *палэзь* ‘рябина’, *пипу* ‘осина’, *пужым* ‘сосна’, *уйпу* ‘ветла’ – является признак стройности. Данная характеристика не является актуальной для компаративных конструкций, содержащих в структуре названия таких деревьев, как: *кыз* ‘ель’, *лулпу* ‘ольха’, *нылпу* ‘пихта’, *сирпу* ‘вяз’, *тыны* ‘дуб’, *тополь* ‘тополь’. Выбор основания для признаков сравнения здесь зависит от характерных особенностей древесного вида.

С точки зрения семантических характеристик компаративных тропов с дендронимами нами были выявлены следующие группы признаков сравнений, формирующих значительный фрагмент языковой и концептуальной картины мира носителя удмуртского языка:

а) представления о внешности, строении тела, росте и здоровье, физических характеристиках человека: *Тазалыкез тыны кадь юн*. ‘Его здоровье крепкое как дуб’; *Вож бадяр кадь мугорыз лабрес беризьлы укшаны өдъяз*. ‘Его тело, напоминавшее зеленый клен, стало похоже на раскидистую липу’ и др.;

б) представления о человеке как представителе общества, носителя социальных функций: *Мар со лыктэм нылмурт бордад сирпу кадь лякиське?* ‘Почему эта приезжая девушка пристала к тебе как вяз (в знач. назойлива)?’ и др.;

в) на основе анализа собранного материала было выявлено, что компаративные конструкции с дендронимами очень редко используются для репрезентации представления о характере и моральных качествах человека. Между тем другие группы фитонимов могут быть представлены в указанном значении: *Сямыз жег нянь но тйни*. ‘Букв. По характеру он ржаной хлеб (в знач. добрый)’; *Небъэм губи тон, Аркаш. Ас кышнодэ но кияд кутэмед уг луы*. ‘Ты как сгнивший гриб, Аркадий (в знач. с мягким характером). Даже свою жену не можешь держать в руках’ и др.

На основе анализа признаков сравнения компаративных тропов, содержащих в своей структуре названия деревьев, можно сделать вывод о том, что данная группа лексических единиц имеет важный аксиологический статус, отражает многовековой жизненный опыт человека, его индивидуальные наблюдения за окружающим миром живой природы. В компаративных тропах закрепляется дифференциальное восприятие, а также оценка сфер человеческой жизни и художественно-образное суждение народа.

Источники:

КУЯ – Корпус удмуртского языка // Udmurt corpus – Corpus search page (web-corpora.net) (дата обращения: 15.08.2023)

НКУЯ – Национальный корпус удмуртского языка // Основной корпус (udman.ru) (дата обращения: 15.08.2023)

LD – Lingvodoc3.0 URL: <http://lingvodoc.ispras.ru/>

Литература:

Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: липа // Славянский альманах, 2018. С. 357–372.

Бродский И. В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб.: Наука, 2007. 210 с.

Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

Владыкина Т. Г. Символика березы в свадебной обрядности удмуртов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 4 (1). С. 96–98.

Владыкина Т. Г., Кириллова Л. Е. «Именные деревья» (нимтуло писпу) в микропонимии удмуртов // Научный диалог. 2017. № 11. С. 232–246.

Владыкина Т. Г., Нуриева И. М. Палэзьпу – рябина // Тангыра: энциклопедия удмуртской культуры. 2023. URL: <http://www.tangyra.ru/etno/info/palezpu.html> (дата обращения: 15.08.2023).

- Гафиятова Э. В.** Фитонимическая картина мира (на материале татарского и английского языков) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 4. С. 230–240.
- Душенкова Т. Р.** Культурологический аспект «ягодных» метафор и сравнений в удмуртском языке // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2021. № 2 (11). С. 74–82.
- Душенкова Т. Р.** Прецедентные имена-фитонимы: от диалектных слов до символов Удмуртии // Вестник угроведения. 2022. Т. 12, № 4 (51). С. 632–640.
- Дмитриева Т. Н.** Мансийские фитонимы в полевых материалах топонимической экспедиции Уральского университета (номинация по месту произрастания растения) // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.). Ижевск: Издательство Анны Зелениной, 2019. С. 185–192.
- Ефремов А. С.** Структурно-семантический анализ марийских названий растений // Вопросы марийского языка. Грамматика и лексикология. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1986. С. 33–45.
- Князев Ю. П.** Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки русской культуры, 2007. 213 с.
- Коппалева Ю. Э.** Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 287 с.
- Лобанова А. С.** О культурной коннотации коми-пермяцких фитонимов пикан «снуть», пистик «хвощ полевой», горадузь «купальница» // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: мат. V Всерос. науч. конф. (г. Пермь, 10 апреля 2017 г.) / отв. ред. И. И. Русинова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2017. С. 240–249.
- Меркушева Т. Н.** Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.
- Насибуллина М. Р.** Зоонимические компоненты в многосоставных фитонимах удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 3. С. 37–59.
- Насибуллина М. Р.** Зоонимические компоненты в системе названий растений удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2015. Т. 25, № 5. С. 66–70.
- Поляков О. Е., Леткина Н. В.** Дендронимическая лексика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков: происхождение, структура и функционирование // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 313–318.
- Ракин А. Н.** Лексика флоры коми языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1977. 19 с.
- Ракин А. Н.** Лексика низшей флоры пермских языков. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. 26 с.
- Рубцова О. Г.** Из истории изучения фитонимов в финно-угорском языкознании // Вестник Марийского государственного университета. 2013. № 12. С. 79–83.
- Русинова И. И., Лобанова А. С., Федосеева Е. Л.** Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, № 4. С. 578–591.
- Соколова М. Г.** Антропонимы как образы сравнения тропов с компонентом «клен» в русской поэзии 20–50-х гг. XX в. // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 1 (30), Т. 9. С. 304–308.
- Шутова Н. И.** Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56–71.

Кондратьева Наталья Владимировна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН.

Ул. Ломоносова, 4, Ижевск, 426004.

Ведущий научный сотрудник.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН.

Ул. Александра Солженицына, 25, Москва, 109004.

E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 25 сентября 2023 г.

N. V. Kondratieva

IMPLEMENTATION OF COMPARATIVE FEATURES IN COMPARATIVE TROPES WITH DENDRONYMS IN MODERN UDMURT²

This paper deals with the identification of the comparative features used for dendronyms in the structure of comparative tropes in modern Udmurt. Based on the analysis of linguistic material from the electronic corpus of

² The work was supported by the RNF grant № 20-18-00403 «Digital description of Uralic Languages Based on Big Data».

the Udmurt language, the semantic meanings of stereotypical comparative images containing the “names of trees” were outlined, and stable semantic connotations of dendronyms were revealed.

According to the study’s results, the lexeme *badyar* ‘maple’ has the broadest semantic meanings; overall, most tree names express single semantic connotations. When considering the semantic features of comparative tropes with dendronyms, the following groups of comparative features were found to form a significant part of the linguistic and conceptual picture of the world of the native Udmurt speaker:

(a) Ideas about a person’s appearance, physique, growth and development, health, physical features: Тазалыкез тыпы кадь юн «His health is as strong as an oak tree»; Вож бадяр кадь мугорыз лабрес беризылы укшаны одъяз «His body, which resembled a green maple, became like a spreading linden tree»;

b) Ideas about a person as a representative of society, as a bearer of social functions: Мар со лыктэм нълмурт бордад сирпу кадь лякиське? «Why does this guest girl stick to you like an elm tree?»;

c) According to the analysis of the collected material, comparative constructions with dendronyms are rarely used to represent the idea of a person’s character and moral qualities. At the same time, other groups of phytonyms are much more common in this group of comparative constructions: Сямыз жег нянь но тйни. Literal translation: «By nature, it is rye bread (type)»; Небзем губи тон, Аркаш. Ас кышнодэ но кияд кутэмед уг луы «You’re like a rotten mushroom, Arkady (soft-hearted). You can’t even handle your wife».

From the analysis of comparative tropes, which contain tree names in their structure, it can be concluded that this vocabulary group has an important axiological status, reflecting centuries-old life experiences and observations of the surrounding nature

Keywords: *Udmurt language, comparative tropes, dendronyms, phytonyms, signs of comparison*

Sources:

KUYA – The corpus of the Udmurt language // Udmurt corpus - Corpus search page (web-corpora.net)

NKUYA – Udmurt National Corps // (Основной корпус (udman.ru)

LD – Lingvodoc3.0 // <http://lingvodoc.ispras.ru/>

References:

Agapkina T. A. Simvolika derev'ev v traditsionnoi kul'ture slavian: lipa [Symbolic functions of trees in Slavic traditional culture: Linden] // Slavjanskij al'manakh [Slavic Almanac]. 2018 (in Russian).

Brodskij I. V. Nazvania rastenij v finno-ugorskikh yazykakh (na materiale pribaltiysko-finskikh i komi yazykov) [Plant names in Finno-Ugric languages: on the material of the Baltic-Finnish and Komi languages]. Saint-Petersburg, 2006 (in Russian).

Vladykin V. Ye. Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov [Religious and mythological picture of the world of the Udmurts]. Izhevsk: “Udmurtia” Publ., 1994 (in Russian).

Vladykina T. G. Simvolika berezy v svadebnoj obryadnosti udmurtov [Birch symbolism in the wedding ceremony of the Udmurts] // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta [Bulletin of Vyatka State University for the Humanities]. 2012. No. 4 (1). P. 96–98 (in Russian).

Vladykina T. G., Kirillova L. E. «Imennye derevya» (nimtulo pispu) v mikrotoponimii udmurtov [“Named trees” (nimtulo pispu) in the microtoponymy of Udmurts] // Nauchny dialog [Scientific dialog]. 2017. No. 11. (in Russian).

Vladykina T. G., Nurieva I. M. Palyz'pu – ryabina [Palezpu – ryabina] // Tangyra: Encyclopedia of Udmurt culture. 2023 (in Russian).

Gafiyatova E. V. Fitonimicheskaya kartina mira (na materiale tatarskogo i angliyskogo yazykov) [Phytonymic picture of the world (based on the material of the Tatar and English languages)] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. [Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University]. 2010. No. 4 (in Russian).

Dushenkova T. R. Kul'turologicheskij aspekt «yagodnykh» metafor i sravneniy v udmurtskom yazyke [Culturological aspect of “berry” metaphors and comparisons in the Udmurt language] // Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzhya [Historical and cultural heritage of the peoples of the Ural-Volga region]. 2021. No. 2(11) (in Russian).

Dushenkova T. R. Pretsedentnye imena-fitonimy: ot dialektnykh slov do simvolov Udmurtii [Precedent phytonymic names: from dialect words to symbols of Udmurtia] // Vestnik ugrovedeniya [Bulletin of Ugric Studies]. 2022. No. 12 (4/51) (in Russian).

- Dmitrieva T. N.** Mansiyskie fitonimy v polevykh materialakh toponimicheskoy ekspeditsii Ural'skogo universiteta (nominatsiya po mestu proizrastaniia rasteniia) [Mansi phytonyms in field materials of the toponymic expedition of the Ural University (nomination by the place of plant growth)] // *Finno-ugorskiy mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy* [The Finno-Ugric world in the multiethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges: collection of articles based on the materials of the 6 All-Russian scientific conference of Finno-Ugric studies (Izhevsk, June 4–7, 2019)]. Izhevsk: Anna Zelenina Publ., 2019 (in Russian).
- Efremov A. S.** Strukturno-semanticheskiy analiz mariyskikh nazvaniy rasteniy [Structural and semantic analysis of Mari plant names] // *Voprosy mariyskogo yazyka. Grammatika i leksikologiya* [Questions of the Mari language. Grammar and lexicology]. Yoshkar-Ola: MarNII, 1986 (in Russian).
- Knyazev Yu. P.** Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive [Grammatical semantics. Russian in typological perspective]. M.: Languages of Russian culture. 2007 (in Russian).
- Koppaleva Ju. Je.** Finskaya narodnaya leksika flory (stanovlenie i funktsionirovanie) [Finnish folk vocabulary of flora (formation and functioning)]. Petrozavodsk, Karelskiy nauchnyy centr RAN, 2007 (in Russian).
- Lobanova A. S.** O kul'turnoy konnotatsii komi-permyatskikh fitonimov pikan «snyt'», pistik «khvoshch polevoï», goradzul' «kupal'nitsa» [About the cultural connotation of the Komi-Permian phytonyms *pikan* "aegopodium", *pistik* "horsetail field", *goradzul'* "globeflower"] // *Filologiya v XXI veke: metody, problemy, idei* [Philology in the XXI century: methods, problems, ideas: materials of the V All-Russian Scientific Conference (Perm, April 10, 2017)]. Perm, 2017 (in Russian).
- Merkusheva T. N.** Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka [Vocabulary of flora and fauna of the southern dialect of the Komi-Perm language. Cand. phil. diss.]. Syktyvkar, 2003 (in Russian).
- Nasibullina M. R.** Zoonimicheskie komponenty v mnogostavnykh fitonimakh udmurtskogo yazyka [Zoonymic components in multi-compound phytonyms of the Udmurt language] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2015. No. 3 (in Russian).
- Nasibullina M. R.** Zoonimicheskie komponenty v sisteme nazvaniy rasteniy udmurtskogo yazyka [Zoonymic components in the system of plant names of the Udmurt language] // *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Istoriya i filologiya*. [Bulletin of the Udmurt University. Ser. History and philology]. 2015. Vol. 25. No. 5 (in Russian).
- Polyakov O. E., Letkina N. V.** Dendronimicheskaya leksika mordovskikh (mokshanskogo i erzyanskogo) yazykov: proiskhozhdenie, struktura i funktsionirovanie [Dendronymic vocabulary of the Mordovian (Moksha and Erzya) languages: origin, structure and functioning] // *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies]. 2021. Vol. 11. No. 2 (in Russian).
- Rakin A. N.** Leksika flory komi yazyka [The vocabulary of the Komi language flora: abstract. dis. ... Candidate of Philology sciences]. Tartu, 1977 (in Russian).
- Rakin A. N.** Leksika nizshey flory permskikh yazykov [Vocabulary of the lower flora of the Permian languages]. Syktyvkar, 1985 (in Russian).
- Rubcova O. G.** Iz istorii izucheniya fitonimov v finno-ugorskom yazykoznanii [From the history of the study of phytonyms in Finno-Ugric linguistics] // *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Mari State University]. 2013. No. 12 (in Russian).
- Rusnova I. I., Lobanova A. S., Fedoseeva E. L.** Komi-permyatskie fitonimy, sodержashchie nazvaniya zhivotnykh [Komi-Perm phytonyms containing names] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2022. Vol. 16. Is. 4 (in Russian).
- Sokolova M. G.** Antroponimy kak obrazy sravneniya tropov s komponentom «klen» v russkoy poezii 20–50-kh gg. XX v. [Anthroponyms as images of comparing tropes with the "maple" component in Russian poetry of the 20–50s of the twentieth century] // *Baltiyskiy gumanitarny zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal]. 2020. Vol. 9. No. 1 (30) (in Russian).
- Shutova N. I.** Derevo v traditsionnom udmurtskom mirovozzrenii [Tree in the traditional Udmurt worldview] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. 2011. No. 2 (in Russian).

Kondratieva Natalia Vladimirovna.

Doctor of Philology, Docent, Leading Researcher.

Udmurt Institute of History, Language and Literature of Ural Branch RAS.

Lomonosova str., 4, Izhevsk, Russia, 426004.

Leading Researcher.

Institute of System Programming RAS.

Alexandra Solzhenitsyna str., 25, Moscow, Russia, 109004.

E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru